

ХОЛОДНОЕ ЗЕРКАЛО

Гарри Уайт

ХОЛОДНОЕ ЗЕРКАЛО

**Скрытая архитектура нового европейского
тоталитаризма**

Гарри Уайт

Оглавление

Введение. Отражение в черном стекле

Глава 1. Презумпция болезни

Глава 2. Призрак «плагио»

Глава 3. Фильтр чистоты

Глава 4. Конструкт враждебности

Глава 5. Скрытый механизм

Заключение. Осколки реальности

Список использованных источников

Введение. Отражение в черном стекле

Современная Европа встречает вас не запахом кофе и круассанов, а холодным, безупречным блеском. Она начинается с отражения.

Если вы решитесь прогуляться ранним, промозглым утром по деловому кварталу Ла-Дефанс в Париже или пройдете сквозь геометрически выверенный правительственный квартал в Берлине, вы станете свидетелем триумфа абсолютной, почти кристальной прозрачности. Гигантские стеклянные фасады небоскребов, монументальные штаб-квартиры транснациональных корпораций и министерств, уходящие шпилями в свинцовое небо — всё это создаёт грандиозную иллюзию. Эти зеркальные стены отражают спешащих клерков, сжимающих в озябших руках бумажные стаканчики, безупречно вычищенные мостовые и бесконечную суету мегаполисов.

В этом архитектурном великолепии, в этой стерильной геометрии стекла и стали зашифровано главное, сакральное обещание западной демократии XXI века: мы прозрачны. Всё на виду. Всё под контролем закона. Здесь, среди этих сияющих башен, нет места теням прошлого. Здесь негде укрыться произволу, здесь не выживет та липкая, иррациональная ненависть, которая однажды уже превратила этот континент в самое большое, дымящееся кладбище в истории человечества.

Мы привыкли верить в красивую ложь о том, что история — это прямая восходящая линия, ведущая человечество от пещерного варварства к сияющим вершинам цивилизации. Мы убедили себя, что в далеком 1945 году мы окончательно разбили кривое зеркало тоталитаризма, а его ядовитые осколки похоронили глубоко под дымящимися руинами Рейхсканцелярии и бетонными обломками бункера Муссолини. Мы возвели скорбный лозунг «Никогда больше» в ранг новой светской религии. Мы построили мемориалы, написали тысячи учебников и успокоено выдохнули.

Но что, если мы совершили фатальную ошибку?

Что, если история — это не стрела, летящая вверх, а бесконечный, замкнутый зеркальный коридор? И когда современная, демократическая, кичащаяся своим правосудием Европа всматривается в зеркало собственной безопасности, из глубины амальгамы на неё смотрит холодное, до боли знакомое лицо. Оно больше не носит свастику на рукаве. Оно не кричит с деревянных трибун о расовом превосходстве и чистоте крови. Сегодня это лицо скрыто за маской благопристойности. Оно одето в дорогой, сшитый на заказ костюм евробюкрата, оно вооружено пухлой папкой с «оценками социальных рисков» и говорит на вкрадчивом языке заботы о «психологическом здоровье» и «защите уязвимых».

Добро пожаловать в Зазеркалье. Здесь холодно, здесь стерильно, и, будьте уверены, здесь вас уже ждут.

Иллюзия безопасности: Утро одного чиновника

Представьте себе обычный кабинет в немецком земельном ведомстве. Ничего зловещего: стены окрашены в нейтральный, успокаивающий бежевый цвет, мерно гудит кондиционер, на экране монитора мигает курсор. На столе — аккуратная стопка анкет. Это заявки соискателей на государственную должность или документы по тендерным закупкам. Чиновник — молодой человек с безупречной репутацией, хорошим образованием и мягкими манерами — берет в руки очередной документ.

Он не испытывает ненависти. Он не считает себя фанатиком. В его душе нет места злобе. Он просто следует инструкции № 4.

Его натренированный взгляд скользит по документу и останавливается на графе, которая в современной Германии стала такой же рутинной обыденностью, как уплата церковного налога. Это так называемый «сектантский фильтр» (*Sect filter*).

Вопрос в анкете сформулирован сухо, юридически выверенно, без малейшего эмоционального окраса: *«Имеете ли вы, ваши сотрудники или волонтеры отношение к учению Л. Рона Хаббарда? Посещали ли вы лекции или семинары за последние три года?»*.

Всего одной галочки в поле «Да» достаточно. Не нужно совершать преступление. Не нужно нарушать закон. Не нужно быть мошенником или казнокрадом. Достаточно просто *думать* не так, как предписано генеральной линией, или посетить «не ту» лекцию из чистого любопытства три года назад. И невидимый механизм срабатывает. Беззвучный, но смертельный щелчок. Контракт расторгнут. В найме отказано. Человек, обладающий уникальной квалификацией, опытом и талантом, мгновенно выбрасывается из экономической жизни. Он становится невидимым. Он становится социальным мертвецом.

Чиновник ставит красный штамп «Отказано» и делает глоток остывшего кофе. Он не знает — или предпочитает не знать, — что семьдесят лет назад, возможно, в этом же здании, другой чиновник так же буднично просматривал анкеты, отсеивая кандидатов по Нюрнбергским законам 1935 года. Тогда критерием была «неправильная» кровь. Сегодня критерием стала «неправильная» мысль. Но метод — холодный, бюрократический метод исключения человека из общества одним росчерком пера — остался пугающе идентичным.

Это не ошибка системы. Это и есть система. И она работает не только в Германии.

Бюрократия как орудие убийства

Самое страшное в этой новой, подступающей волне тоталитаризма — её абсолютная, серая будничность. Здесь нет факельных шествий, марширующих колонн и звона разбитых витрин. Вместо штурмовиков в коричневых рубашках работают неприметные клерки в белых накрахмаленных воротничках. Вместо ударов дубинками — вежливые

письма об отказе в банковском обслуживании и увольнения «по соглашению сторон».

Это «холодный» террор. Он совершается в тишине кабинетов, под монотонное гудение кулеров и шелест бумаги формата А4. Он полностью деперсонализирован. Чиновник, подписывающий отказ в найме из-за «сектантского фильтра», не чувствует себя палачом. Он уверен, что просто «защищает демократию». Судья, отбирающий детей у родителей по рекомендации MIVILUDES, убежден, что спасает их от «психологического насилия».

Эта размытость ответственности, это делегирование совести бездушным инструкциям — именно то, что великий философ Ханна Арендт когда-то назвала «банальностью зла».

Мы живем в эпоху перевертышей, когда слова меняют свои исконные значения. «Защита» теперь означает тотальный контроль. «Свобода» — это свобода соглашаться с мнением большинства. А «безопасность» требует сакральных жертв. И этой жертвой, возможно, уже назначены вы. Просто вы еще не дошли до того рокового пункта в анкете.

Зеркало перед вами. Оно холодное, и в нем отчетливо отражается тень, стоящая за вашим плечом. Пришло время обернуться и посмотреть ей прямо в лицо. Потому что нацизм не возвращается в Европу. Он никуда не уходил. Он просто терпеливо ждал, пока мы забудем, как он выглядит на самом деле.

Глава 1. Презумпция болезни

(Французский гамбит)

Париж, апрель 2024 года.

Весна в Париже всегда коварно обманчива. Пока беззаботные туристы делают яркие селфи на фоне цветущих каштанов и величественной Эйфелевой башни, наслаждаясь ароматом свежих круассанов и сладкой иллюзией вечного праздника, в правительственном квартале царит иная атмосфера. Там, за тяжелыми бархатными портьерами Бурбонского дворца, воздух остается неподвижным, словно в склепе. Здесь, в позолоченных залах Национального собрания, время течет по своим законам. Оно измеряется не минутами радости, а параграфами ограничений.

9 апреля 2024 года войдет в учебники истории не как день триумфа либеральной демократии, а как мрачная дата, когда Пятая республика приняла в окончательном чтении законопроект о «борьбе с сектантскими отклонениями» (ставший законом после промульгации 10 мая 2024 года), и критики увидели в этом шаг в сторону «зазеркалья», где свобода слова начинает зависеть от трактовок государства.

В тот вечер атмосфера в зале заседаний была наэлектризована до предела, но это было не живое, горячее напряжение настоящих политических дебатов, а тяжелая, давящая неизбежность исполнения приказа. Депутаты, уставшие после месяцев споров и подковерных игр, готовились поставить точку в процессе, который многие независимые юристы критиковали как рискованный для свободы выражения.

На повестке дня стояло принятие поправок к закону «О борьбе с сектантскими отклонениями». Звучит благородно, словно речь идет о борьбе с вирусом. Кто же в здравом уме будет против борьбы с отклонениями? Однако за этой гладкой, прилизанной бюрократической эвфемистикой скрывался механизм подавления такой силы, который Франция не видела в таких масштабах «моральной паники» вокруг «внутреннего врага» со времён самых тёмных политических эпизодов XX века.

1. Ночь длинных поправок

Чтобы осознать всю глубину морального падения, которое произошло той роковой ночью, нужно отмотать пленку времени на неделю назад. 2 апреля Сенат Франции — верхняя палата парламента, орган, традиционно более консервативный, взвешенный и осторожный в вопросах гражданских свобод совершил поступок, который в современной стерильной политике бывает крайне редко. Сенаторы отвергли дальнейшее рассмотрение текста, приняв «question préalable» (то есть отклонив текст в новой читке), причём это было сделано не единогласно, а большинством. Они проявили прозорливость и увидели в нем то, что правительство так старательно пыталось скрыть за красивыми фразами: безупречно отточенный инструмент произвола.

Но французская законодательная машина устроена хитро. В ней предусмотрен «черный ход» для исполнительной власти. Если Сенат и Национальное собрание занимают непримиримые позиции, последнее слово, как карающий дамоклов меч, остается за Собранием. И правительство, одержимое идеей тотального контроля, нажало на все доступные рычаги.

Лоббирование было беспрецедентным по своей агрессивности и наглости. В парламентских кулуарах шептались о прямом давлении на депутатов, о ночных звонках из министерств с недвусмысленными намеками, о том, что принятие закона стало вопросом принципа для правящей элиты, своеобразным тестом на лояльность.

И вот наступило 9 апреля. Финальное голосование. В огромном зале повисла звенящая тишина. На электронном табло высветились цифры, ставшие приговором французской свободе: 146 голосов — «за». 104 голоса — «против».

Французское Национальное собрание окончательно приняло исправленный законопроект о борьбе с «сектами».

Закон был продавлен грубой силой. Несмотря на отчаянное, аргументированное сопротивление Сената. Несмотря на критическое заключение Государственного совета (Conseil d'État), который поставил

под сомнение необходимость и соразмерность ряда ключевых нововведений и указывал на риски для свободы выражения.

Но когда власть страстно желает получить в свои руки дубинку, она не слушает тех, кто говорит о благородных правилах фехтования. Правительство не приняло эти предупреждения в полном объёме, и зеркало правосудия треснуло, но никто не захотел смотреть на острые осколки.

2. Статья 4: Криминализация сомнения

Что же так напугало опытных старых юристов и так возбудило аппетиты молодых, амбициозных технократов? Сердцем нового закона, его ядовитым жалом, стала норма, которая в парламентском тексте проходила как «статья 4», а в окончательно принятом законе (10 мая 2024) стала «статьёй 12», добавив в Уголовный кодекс Франции новый состав — статью 223-1-2. Она вводит уголовную ответственность за «подстрекательство к отказу от необходимого медицинского или профилактического лечения».

На первый, поверхностный взгляд, это выглядит как искренняя забота о здоровье нации. Риторика властей цинично строилась на свежей, еще кровоточащей травме недавнего прошлого — пандемии COVID-19. С высоких трибун звучали гневные, патетические речи о том, как «культы» распространяли антипрививочные идеи, как дезинформация убивала людей, как шарлатаны наживались на человеческом горе. Страх — лучший продавец несвободы. Используя призрак вируса, законодатели сконструировали идеальную юридическую ловушку, из которой невозможно выбраться.

Дьявол, как всегда, затаился в деталях формулировок. Новый закон предусматривает наказание: до 1 года тюремного заключения и до 30 000 евро штрафа (а если «провокация» привела к тяжким медицинским последствиям — до 3 лет и до 45 000 евро).

За что именно? Не за причинение реального вреда. Не за смерть пациента. А за «провокацию», совершённую «посредством давления или повторяющихся манёвров», направленную на человека с заболеванием, чтобы тот отказался/воздержался от лечения, причём отказ должен подаваться как «полезный», хотя он «в состоянии медицинских знаний» явно способен привести к особенно тяжёлым последствиям для здоровья. Параллельно введён и второй элемент (в той же статье 223-1-2): «провокация» к принятию практик, выдаваемых за лечебные/профилактические, когда очевидно, что они подвергают человека немедленному риску смерти или тяжких травм.

Вдумайтесь в эту зловещую формулировку: «подстрекательство к отказу». Грань между научным спором, врачебной рекомендацией и «подстрекательством» здесь не отменена на бумаге, но смещена в зону оценок следствия и суда: что именно было «давлением», что — «повторяющимися манёврами», было ли воздействие адресным, и насколько «очевиден» тяжкий риск по уровню медицинских знаний. Врач-онколог, который публично заявляет, что официальный протокол химиотерапии может быть губителен для конкретного пациента, и предлагает другой путь, теперь рискует не просто своей врачебной лицензией. Он рискует реальной свободой — если его слова и действия интерпретируют как адресное склонение пациента отказаться от жизненно важной терапии через давление или систематическое воздействие. Экоактивист, публикующий данные о побочных эффектах нового препарата, мгновенно превращается в уголовника.

Это не просто цензура. Это медицинский тоталитаризм в чистом виде. Государство нагло присвоило себе монополию на истину в вопросах биологии и здоровья. Любое инакомыслие теперь трактуется не как научная гипотеза или добросовестное заблуждение, а как умышленное, тяжкое преступление. И даже если закон формально бьёт по «манёврам давления», а не по самой дискуссии, он создаёт соблазн приравнять спор к «вредному влиянию» — всё решит то, как именно начнут применять статью на практике.

Это создает леденящий эффект («*chilling effect*») для всего научного сообщества Франции. Кто решится спорить с официальной линией Минздрава, если ценой спора станет тюремная камера? Наука, которая по своей природе строится на сомнении, жарком споре и опровержении догм, загоняется в прокрустово ложе сухих полицейских протоколов. Именно здесь и начинается главная интрига: не в лозунгах, а в первых делах, первых экспертизах и первых судебных решениях.

3. Тень MIVILUDES: Инквизиция XXI века

Но любой закон остался бы просто мертвой бумагой без исполнителей, готовых с рвением воплотить его в жизнь. И здесь на сцену выходит структура, чье название звучит как аббревиатура из мрачного антиутопического романа — MIVILUDES (Межминистерская миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями).

До 9 апреля 2024 года MIVILUDES была влиятельным, агрессивным, но все же консультативным органом. Новый закон закрепил её роль в системе как межведомственного центра и открыл ей дверь в процессуальную реальность через механизм «*amicus curiae*»: государственные службы могут предоставлять суду и прокуратуре информацию и позицию по делам о «сектантских отклонениях».

Теперь судьям и прокурорам предписывается в обязательном порядке запрашивать мнение MIVILUDES о любых группах, которые находятся под следствием или судом по обвинению в «сектантских отклонениях».

Представьте себе этот судебный процесс. На одной чаше весов — обвиняемый (например, небольшое, мирное сообщество, практикующее йогу, медитацию или нетрадиционную медицину). На другой — суровый государственный прокурор. А над ними, в качестве «независимого эксперта», нависает государственное же агентство, чья *raison d'être* (единственный смысл существования) — поиск и беспощадное уничтожение «культов».

Это грубейшее, вопиющее нарушение базового принципа правосудия — состязательности сторон. Суд больше не является беспристрастным арбитром с завязанными глазами. Суд становится простым отделом оформления решений, принятых в идеологическом ведомстве. Более того, закон открыл «антикультовым» ассоциациям (нередко финансируемым в том числе за счёт государственных субсидий) путь в суд: они могут выступать гражданскими истцами не по умолчанию и не в каждом деле, а лишь при выполнении установленных законом условий и в рамках предусмотренных категорий дел.

Это замыкает порочный контур: антикультовые ассоциации инициируют жалобы и кампании, MIVILUDES придаёт им институциональный вес своими материалами и оценками, а дальше суду становится проще двигаться по уже проложенной колее — особенно если новые нормы дают удобную юридическую рамку для обвинения. При этом формально суд не обязан принимать позицию MIVILUDES как истину и не «связан» ею, но на практике официальный статус такого источника способен сместить баланс: он работает как тяжёлый аргумент, который незаметно утяжеляет одну чашу весов ещё до того, как прозвучат доводы защиты.

В этом безжалостном механизме нет места презумпции невиновности. Есть только презумпция болезни. Если вы не согласны с государством — значит, вы больны, или вы заражаете других. И вас нужно изолировать. Ради общего блага, разумеется.

4. Призрак «Плагии»: Уроки, которые мы забыли

Европа уже видела это. История смотрит на нас из зеркала 1930-х годов холодными, немигающими глазами, полными жуткого узнавания.

Концепция, лежащая в основе действий MIVILUDES и нового французского закона, базируется на идее «психологического подчинения» (*psychological subjection*) или «манипуляции сознанием». Утверждается, что «злые культы» используют некие таинственные, почти

магические психотехники, чтобы подавить волю человека и превратить его в послушную, бездумную марионетку.

Но эта теория — не «доказанная наука», а крайне спорная рамка: в академической среде нет согласия, что «brainwashing/mind control» в таком виде является надёжно измеряемым феноменом, пригодным как основание для уголовной репрессии.

В ноябре 2023 года, когда этот чудовищный законопроект еще только готовился в недрах министерств, в Сенат Франции поступило необычное письмо. Его автором была доктор Рафаэлла ди Марцио (*Raffaella Di Marzio*), известный итальянский эксперт по психологии религии, директор Центра исследований свободы религии, убеждений и совести (LIREC).

Её послание было не просто сухим экспертным мнением — это был крик предупреждения, попытка остановить поезд, несущийся в туман. Ди Марцио прямо писала сенаторам, что теория «манипуляции сознанием»/«psychological subjection» применительно к «сектам» «has no scientific basis» («не имеет научной основы»), и ссылаясь на позицию Американской психологической ассоциации и историю провала подобных концепций в праве.

Она напомнила французским законодателям о тёмной странице истории своей родины. В 1930 году в итальянский Уголовный кодекс (Codice Rocco) была включена статья 603 — «plagio», определявшая преступление как приведение человека в «totale stato di soggezione» («полное состояние подчинения»).

Дуче был прагматиком до мозга костей. Ему нужен был универсальный, гибкий инструмент для зачистки инакомыслящих, который выглядел бы не как грубая политическая репрессия, а как гуманная «забота о душевном здоровье граждан». Логика фашистов была безупречна в своем цинизме: человек в здравом уме не может быть антифашистом. Значит, если он против режима — он либо безумен, либо «зомбирован» (находится под чужим тлетворным влиянием). Закон о «плагио» позволял сажать в тюрьму тех, кто распространял «вредные идеи», обвиняя их в

психологическом насилии над слушателями. Ди Марцио в письме отдельно утверждала, что в разные годы к этой конструкции пытались притягивать и другие «неудобные» группы — подчёркивая, как легко такая норма перерождается в идеологическое сито.

Потребовалось полвека мучений и полное крушение режима, чтобы Италия осознала эту чудовищную ошибку. В 1981 году Конституционный суд Италии наконец отменил позорный закон о «плагио». Судьи указали, что норма слишком расплывчата, а главное — описывает состояние, которое не поддаётся рациональной проверке и тем самым открывает дверь произволу и идеологической дискриминации.

И вот здесь самое неприятное: Франция 2024 года не изобрела идею «психологического подчинения» с нуля — она уже давно присутствует во французском праве и практике (в том числе вокруг понятия злоупотребления слабостью, статьи 223-15-2, и в терминологии MIVILUDES со времён закона About–Picard). Но закон 2024 года расширил поле её применения и усилил инструменты, через которые государство может описывать и преследовать «сектантские отклонения», делая эту рамку более заметной и более «операциональной» для правоприменения.

Франция 2024 года проигнорировала этот исторический урок — и потому главный вопрос теперь не философский, а судебный: останется ли «*cujétion psychologique*» узкой юридической категорией для редких, доказуемых случаев злоупотребления слабостью — или она начнёт жить как удобная универсальная формула для преследования «неправильных» убеждений.

5. Немецкий след: Сектантский фильтр

Пока Париж выстраивал новый юридический каркас давления, в соседней Германии, по другую сторону Рейна, уже давно действует механизм, который работает тише — но способен быть не менее эффективным. Если Франция делает ставку на уголовно-правовые формулы, то Германия в

отдельных случаях использует административно-экономический рычаг: доступ к работе, грантам или контрактам может зависеть от прохождения «проверки благонадёжности».

В расследовании, которое легло в основу этой книги, приводится факт, который трудно игнорировать: в стране, построившей современную идентичность на публичном разрыве с нацизмом, годами существовала практика так называемых «сект-фильтров» (sect filters / Schutzerklärung) — прежде всего в отношении Саентологии и близких к ней структур.

Согласно материалам Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), в некоторых регионах Германии от людей или организаций, претендующих на определённые позиции в публичном секторе, на получение субсидий/грантов или участие в отдельных процедурах, могли требовать подписать декларацию, что они не применяют и не распространяют «технологии Л. Рона Хаббарда» и не действуют по связанным с ней методикам. При этом эта практика была не универсальной «для всех и везде»: она носила региональный и ведомственный характер, а в ряде случаев становилась предметом судебных споров — и немецкие суды уже признавали отдельные требования подобных деклараций незаконными.

Но современная инквизиция идет дальше. На практике в современной Германии применялись так называемые «сект-фильтры» — анкеты и заявления о дистанцировании (в частности, от «технологии Л. Рона Хаббарда»), которые использовались в деловых отношениях и в отдельных случаях при взаимодействии с госструктурами.

Ответ «да» — это черная метка. На практике отказ подписать такие «декларации» мог приводить к разрыву коммерческих отношений (например, поставщик прекращал сотрудничество) или к отказу в конкретной муниципальной льготе, субсидии, ограничение доступа к отдельным возможностям.

Юридический нигилизм этой практики поражает воображение. Десятки немецких судов различных инстанций признавали эти фильтры

незаконными. Они прямо и грубо нарушают Директиву ЕС о равенстве в сфере занятости и статьи 9 и 14 Европейской конвенции по правам человека.

Так, например, Федеральный административный суд Германии (BVerwG) в двух резонансных делах признал незаконной роль государства в подобных «фильтрах»:

- в 2005 году BVerwG указал, что передача властями «технологической декларации» третьим лицам для «отсечения» деловых контактов с саентологами является вмешательством в свободу вероисповедания/мировоззрения без необходимого законного основания;
- в 2022 году BVerwG признал, что требование муниципалитета раскрывать/декларировать религиозные или мировоззренческие взгляды как условие получения экологической субсидии противоречит Основному закону (в т.ч. ст. 3 и ст. 4 GG). То есть существует проблема — использование государственными субъектами (или с их участием) инструментов, которые на практике ведут к дискриминационным последствиям

Без работы, зарплаты и необходимых ресурсов смерть недалеко. А когда речь идет о запланированной смерти целой категории граждан, геноцид не так уж далек.

В 1930-х годах Нюрнбергские законы запрещали евреям преподавать в университетах, лечить людей в больницах, служить в армии. Их методично выдавливали из экономики, лишали средств к существованию, прежде чем начать уничтожать физически. Сегодня сама логика «фильтрации» — когда человека отстраняют от работы или контрактов из-за его убеждений, а не из-за противоправных действий, — воспроизводит тот же опасный принцип: лишение средств к существованию как инструмент давления.

6. Зеркало истории

Принятие жёсткого закона во Франции 9 апреля 2024 года и сохранение в Германии «сектантских фильтров» — это не изолированные и не случайные явления сковывающей Европу. Это элементы единой тенденции, формирующей новую реальность, где права человека действуют только для тех, кто мыслит строго в унисон с заданной идеологией.

Реакция наднациональных институтов Европейского союза на эти процессы остаётся сдержанной. Брюссель, активно регулируя технические и экономические стандарты, нередко не даёт должной правовой оценки практикам, затрагивающим фундаментальные права — свободу вероисповедания, убеждений и доступа к труду.

Антикультизм распространяется по Европе и всё чаще институционализируется. Он проникает в законы, в залы судов, в инструкции отделов кадров. Он невидим для большинства, пока это большинство молчит и чувствует себя в безопасности. Но история учит нас: ограничение свободы убеждений под предлогом защиты общества является индикатором эрозии правового государства.

Сегодня мы вновь вынуждены обращаться к зеркалу истории. Оно улавливает структурные сходства. Мы полагали, что подобные механизмы были окончательно осуждены в 1945 году. Однако история показывает: идеи не исчезают — они трансформируются, адаптируются и могут возвращаться в более утончённых, институционально приемлемых формах.

Глава 2. Призрак «плагио»

(Психологический террор)

История имеет скверное свойство возвращаться не в виде фарса, как писал Карл Маркс, а в виде кошмара — смутно знакомого, но каждый раз подающегося как нечто новое. Это чувство дежавю накрывает любого

исследователя, который решается сопоставить документы, рожденные в разных эпохах, но построенные на сходной логике: Кодекс Рокко, принятый в Италии при фашистском режиме в 1930 году, и французский закон 2024 года, усиливающий меры по борьбе с так называемыми «сектантскими отклонениями». Формулировки меняются, язык становится более стерильным и технократичным, юридическая оболочка — современнее. Но сама конструкция мышления — идея о допустимости расширенного государственного вмешательства в сферу убеждений под предлогом защиты общества — остается тревожно узнаваемой. Это та самая темная материя, из которой в разные времена шьются правовые инструменты подавления, всегда оправдываемые заботой о «благе».

1. Лаборатория Муссолини

Чтобы до конца понять и прочувствовать, что именно произошло во Франции весной 2024 года, нам придется снова посмотреть в наше холодное зеркало и увидеть в нем отражение Рима начала 1930-х годов. Бенито Муссолини, «Дуче», был не просто диктатором, он был одним из первых системных экспериментаторов в области государственных репрессий. Он прекрасно понимал, что физическое насилие грубо, примитивно и оставляет синяки, которые трудно скрыть от мировой общественности. Куда эффективнее, куда элегантнее с точки зрения репрессивной логики, объявить своего врага ментально неполноценным, лишенным воли, жалкой жертвой чужого влияния.

Именно тогда, в 1930 году, в итальянском уголовном праве появилось зловещее понятие «plagio» (плагио).

Этот юридический термин, внешне нейтральный и даже архаичный, скрывал за собой механизм уголовного преследования, направленный против автономии личности. Закон определял «плагио» как преступление, заключающееся в приведении кого-либо в «полное состояние подчинения». Формулировка была гениальна в своей расплывчатости. Она развязывала руки прокурорам, позволяя утверждать, что любой

человек, попавший под влияние «неправильных», «антигосударственных» идей, на самом деле не принимает решения самостоятельно. Его воля подавлена. Он — объект внешнего контроля.

Как это работало на практике? Муссолини и его послушные судьи использовали этот закон с циничной легкостью. Если итальянец становился убежденным антифашистом, это трактовалось не как его осознанный, мужественный политический выбор. Ведь, согласно извращенной логике режима, ни один здоровый, свободный итальянец не может быть против великого фашизма. Следовательно, антифашист — это жертва «зомбирования». Он находится под гипнотическим, разрушительным влиянием коммунистов, анархистов или иностранных агентов.

Того, кто распространял идеи свободы, обвиняли в преступлении «плагио» — в психологическом насилии над слушателями, в лишении их способности к самостоятельному волеизъявлению. А самого слушателя, эту несчастную «жертву», нужно было «лечить» строгой изоляцией от источника ментальной заразы. Тюрьма становилась инструментом «защиты» психики.

Этот призрак бродил по итальянским судам полвека. Лишь в 1981 году, спустя десятилетия после падения фашизма и казни дуче, Конституционный суд Италии нашел в себе смелость посмотреть правде в глаза. Решение суда было разгромным и окончательным: закон о «плагио» был отменен. Судьи признали то, о чем шептали честные психиатры все эти годы: феномен «полного психологического подчинения» без применения физического насилия или химических препаратов эмпирически недоказуем.

Невозможно провести четкую грань между убеждением и принуждением, между страстным воспитанием и индоктринацией, между проповедью и «промыиванием мозгов». Закон был признан неконституционным именно из-за своей опасной расплывчатости. Суд постановил, что сохранение

такой нормы создает риск идеологической дискриминации, когда под предлогом борьбы с «манипуляцией» судили бы за образ жизни и идеи.

2. Предупреждение из Рима

В ноябре 2023 года, когда французская законодательная машина только разогревала свои моторы для принятия нового закона, в Париж пришло письмо. Это был документ, который в будущем, возможно, станет главным обвинительным актом против архитекторов новой европейской тирании.

Автором письма была доктор Рафаэлла ди Марцио, директор Центра исследований свободы религии, убеждений и совести (LIREC) из Италии. Она — один из немногих экспертов, кто осмелился встать на пути катка государственной пропаганды. Доктор Ди Марцио обратилась ко всем членам Сената Франции с отчаянным призывом остановиться.

В своем обращении она методично деконструировала саму основу предлагаемого закона — концепцию «психологического подчинения» (*psychological subjection*).

В письме Ди Марцио указывала, что под влиянием медийной паники и давления антикультовых организаций ряд европейских государств за последние десятилетия создал специальные комиссии, квазисудебные структуры и нормативные акты, направленные против так называемых «культов», фактически криминализуя недоказуемое обвинение в «манипуляции сознанием».

Ее аргументация была строгой, научной и лишенной эмоций, что делало её выводы еще более страшными. Опираясь на 25 лет полевых исследований, Ди Марцио утверждала: популярные в массовой культуре теории «промыывания мозгов» (*brainwashing*), «манипуляции сознанием» или «убеждающего принуждения» применительно к религиозным группам не имеют научной основы.

Это не просто частное мнение одного ученого. Данная позиция отражает устойчивый академический консенсус в области религиоведения и социальной психологии, который, однако, систематически игнорируется в политическом процессе. Нет ни одного доказанного случая, когда человека можно было бы превратить в биоробота, выполняющего приказы вопреки инстинкту самосохранения, используя только слова и психологические приемы.

Ди Марцио проводила прямую историко-правовую параллель с итальянским законом о «*plagio*», действовавшим в фашистский период, предупреждая, что внедрение размытых критериев «психологического подчинения» фактически возрождает модель уголовного преследования за убеждения и образ жизни.

В обращении подчеркивалось, что предлагаемые нормы несут прямую угрозу свободному осуществлению фундаментальных прав личности и семьи, прежде всего в отношении представителей религиозных меньшинств.

Она указывала, что закон неизбежно приведет к идеологической дискриминации. В отсутствие четких и проверяемых научных критериев «психологического подчинения» суды будут вынуждены оценивать не действия, а сам образ жизни, мировоззрение и систему ценностей. Нетипичный религиозный выбор, отказ от карьерной модели или альтернативный уклад жизни могут быть интерпретированы как доказательство «манипуляции».

Но голос Рафаэлы ди Марцио, как и голоса других независимых экспертов, был проигнорирован. Французское правительство, вооруженное поддержкой агрессивных антикультовых лоббистов, предпочло не слышать предупреждений о фашистском ренессансе. Зеркало уже отражало тень Муссолини, но в Париже решили сделать вид, что это просто игра света.

3. Патологизация убеждений

Что же мы получили в итоге 9 апреля 2024 года? Франция ввела в свое законодательство концепцию, которая позволяет криминализировать обычное человеческое общение.

Новый закон опирается на ложную, антинаучную идею, что «культы» совершают насилие над психикой, именуемое «манипуляцией сознанием». Но кто определяет, где заканчивается вдохновенная проповедь и начинается манипуляция? Где граница между агрессивным маркетингом, политической агитацией и «психологическим подчинением»?

Ответ на этот вопрос в современной Франции фактически делегирован структуре MIVILUDES. Этот орган, получив усиленный статус и право напрямую влиять на судебные решения, ключевым интерпретатором понятия «сектантских отклонений».

Представьте себе механизм этого нового правосудия. Человека обвиняют в том, что он создал группу, где люди «психологически подчинены». Доказательств физического насилия нет. Замков на дверях нет. Люди могут уйти в любой момент, но не уходят. Почему? С точки зрения свободного мира — потому что они искренне разделяют эти убеждения. С точки зрения MIVILUDES — потому что они «обработаны».

В суде прокурор запрашивает мнение MIVILUDES. Агентство достает из своих папок «досье», составленное не на основе клинической диагностики или верифицируемых психологических методик, а на основе газетных вырезок, публикаций СМИ, слухов и доносов антикультовых активистов. В этом досье верования группы маркируются как «сектантские отклонения» (*cultic deviances*).

Таким образом:

- Вера объявляется отклонением.
- Приверженность этой вере объявляется результатом манипуляции.

- Лидер группы объявляется преступником, использующим «техники подчинения».

Это форма юридической трансмутации, превращающая социально приемлемое поведение в уголовно наказуемое деяние. Доктор Ди Марцио в своем письме подчеркивала, что концепция «психологического подчинения» является лишь идеологическим выражением нетерпимой идеологии конкретных антикультовых групп.

Мы видим здесь привычный для многих государств приём: перевод инакомыслия в категорию «отклонения». В СССР несогласие объясняли «вялотекущей шизофренией», в фашистской Италии — «плагио», в современной Франции — «сектантскими отклонениями», «сектантскими девиациями». Терминология становится более наукообразной, но логика остаётся прежней: власть не спорит с человеком — она патологизирует его убеждения, представляя самостоятельность мышления как форму «нарушения», а значит, как явление, подлежащее надзору.

4. Медиа-инквизиция и фабрика страха

Принятие такого закона было бы невозможно без тщательной, массовой подготовки общественного мнения.

Ключевую роль в этом процессе сыграли средства массовой информации и так называемые «антикультовые ассоциации». Именно они создали атмосферу постоянной, гнетущей тревоги, в которой апелляции к свободе совести и правам человека оказывались маргинализированы и дискредитированы.

Доказательства «незаконных методов» влияния, якобы используемых в группах, предоставлялись не научными институтами, не независимыми психологами, а активистами, чья карьера и доходы целиком построены на борьбе с «сектами». Их выводы редко проходили полноценную научную верификацию, однако СМИ охотно транслировали страшные истории, как правило, без тщательной проверки источников и методологии. Ярлык

«секта» стал удобным медиамаркером, автоматически вызывающим общественную настороженность.

В контексте пандемии COVID-19 была развернута масштабная кампания по демонизации любых групп, предлагающих альтернативный взгляд на здоровье. Закон, принятый в апреле 2024 года, фактически связывает «сектантские отклонения» с отказом от медицинского лечения, что создает риск расширительного и произвольного толкования нормы.

Но возникает принципиальный вопрос более широкого порядка. Если сегодня государство может объявить преступником того, кто критикует официальную медицину, и обвинить его в «психологической манипуляции», то где проходят пределы применения этой логики?

Если вы убеждаете людей голосовать против правящей партии — может ли это быть интерпретировано как «манипуляцией сознанием»? Если вы призываете к забастовке — не может ли подобная деятельность быть квалифицирована как «подстрекательством», основанным на «психологическом подчинении»?

5. Иллюзия защиты

Сторонники закона настаивают на том, что он призван защищать уязвимых лиц. Они рисуют эмоционально насыщенные образы беспомощных жертв, попавших в сети коварных гуру. Но холодный анализ фактов показывает совершенно другую картину. Этот закон в первую очередь не расширяет защиту, а радикально ограничивает автономию личности.

Объявляя взрослого дееспособного человека жертвой «психологического подчинения» только на основании его религиозного выбора, государство фактически ставит под сомнение его способность к самостоятельному волеизъявлению. Оно говорит: «Ты слишком глуп, чтобы самому выбирать, во что верить. Мы решим за тебя. А того, кто рассказал тебе об этой вере, мы посадим в тюрьму».

Это жесткая форма государственного патернализма, в рамках которой власть берет на себя роль высшего арбитра в вопросах убеждений. В ее основе лежит архаичная модель, согласно которой государство мыслится как хранитель «правильного сознания», а граждане — как объекты надзора, нуждающиеся в постоянной коррекции и защите от «вредных» идей.

В Италии 1930-х годов подобная логика была институционализирована в рамках авторитарного режима. В Европе 2024 года это называется «защитой от сектантских отклонений». Но если снять маску защитной риторики, структурная логика вмешательства оказывается поразительно схожей.

Доктор Рафаэлла ди Марцио в завершение своего обращения к Сенату Франции сформулировала предупреждение, которое носит характер экспертного прогноза: «Одобрение репрессивных законов для борьбы с предполагаемым преступлением "психологического подчинения" не только неэффективно, но и представляет серьезную угрозу свободе совести, свободе религии и демократическим принципам в целом».

Это предупреждение не было учтено в законодательном процессе, и закон вступил в силу.

В результате возникает правовая неопределенность, при которой интенсивное мировоззренческое или духовное общение потенциально может быть переинтерпретировано в уголовно-правовых категориях. Достаточно лишь, чтобы третье лицо инициировало обращение в MIVILUDES, а экспертиза усмотрела в высказываниях признаки «манипуляции».

И тогда человек рискует оказаться в положении, хорошо известном из истории авторитарных правовых систем — виновным не за действия, а за силу убеждения и влияние слов.

Глава 3. Фильтр чистоты

(Немецкий порядок)

В этой главе мы коснемся самой табуированной темы современной европейской политики. Мы рассмотрим механизм, который действует в Германии уже несколько десятилетий, но о котором принято стыдливо молчать на высоких приемах в Брюсселе. Это механизм экономической сегрегации, известный как «фильтр сект» (*Sect filter*).

1. Анкета на выживание

Представьте, что вы — владелец небольшой, но успешной IT-компании в Мюнхене. Вы — образцовый гражданин. Вы платите налоги до последнего евроцента, педантично сортируете мусор по четырем контейнерам, соблюдаете скоростной режим на автобанах и искренне верите в демократические ценности Федеративной Республики Германия. Ваш бизнес растет, и вот наступает момент истины: вы подаете заявку на государственный тендер, например, на разработку программного обеспечения для местной школы или муниципалитета. Контракт, который обеспечит стабильность вашим сотрудникам и будущее вашей семье.

Вы собираете огромный пакет документов. Справки из налоговой, подтверждение квалификации, банковские гарантии. Все безупречно. Но в самом конце, под канцелярской скрепкой, лежит еще один неприметный лист бумаги — дополнительная декларация. Обычный лист формата А4, напечатанный мелким шрифтом. Это и есть тот самый «фильтр».

Это не проверка вашей профессиональной компетенции. Это не проверка вашей финансовой надежности.

От вас требуется подписать бумагу. Формулировка сухая, канцелярская, но ее смысл имеет далеко идущие правовые последствия: вы должны официально заявить, что вы не являетесь саентологом и не применяете так называемые «технологии Л. Рона Хаббарда».

На первый взгляд, обыватель пожмет плечами: «Ну и что? Я же не саентолог, подпишу и забуду». Но давайте вчитаемся в текст и обратим внимание на детали.

Практика применения этих фильтров, описанная и проанализированная в отчете Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), идет гораздо дальше личного вероисповедания владельца бизнеса. Вопрос в анкете фактически подрывает принцип индивидуальной ответственности:

«Посещали ли вы, ваши сотрудники или волонтеры лекции, организованные группой, церковью или организацией, связанной с саентологией, за последние три года?»

Вдумайтесь в этот вопрос. Он требует от работодателя выполнять функции идеологического контроля по отношению к собственным сотрудникам. Чтобы получить контракт, вы должны провести внутреннюю проверку личных убеждений своих программистов, уборщиц, курьеров. Фактически речь идет о сборе информации, не имеющей отношения к трудовым обязанностям.

Если хотя бы один из ваших сотрудников ответил «да» — даже в случае разового посещения мероприятия, не связанного с членством, — вы оказываетесь перед выбором: отказаться от государственного контракта либо прекратить трудовые отношения с этим сотрудником.

На практике государственные заказчики ожидают расторжения таких контрактов: «Компаниям, претендующим на государственные контракты, рекомендуется прекратить сотрудничество с лицами, подпадающими под действие так называемых "саентологических фильтров", для сохранения деловых отношений с государственными структурами».

2. Архитектура Berufsverbot

В немецком языке есть слово, от которого веет тяжёлой исторической памятью: Berufsverbot. Запрет на профессию.

В современной Германии, стране, которая построила мемориалы жертвам тоталитаризма буквально на каждом углу, этот термин вновь используется в общественной и правовой дискуссии. «Сектантский фильтр» — это не просто формальная бюрократическая формальность. Это инструмент системного экономического исключения.

Механизм работает структурно и последовательно. Человек, отказавшийся подписать декларацию или честно ответивший «да», получает невидимую, но несмываемую «черную метку». Он утрачивает доступ к работе в государственном секторе. Он лишён возможности получать государственные заказы. В стране, где государство является одним из крупнейших работодателей и заказчиков, это де-факто означает вытеснение человека из значительной части экономической жизни.

Давайте проследим цепочку последствий, опираясь на последовательную логику, изложенную в анализируемых документах.

- **Стигматизация.** Сам факт наличия такого вопроса в анкете маркирует определенную группу людей как «опасную», «заразную», «нежелательную». Это первый этап дегуманизации. Это создаёт социальное клеймо и формирует образ группы как проблемы, а не как носителя прав.
- **Экономическое давление.** Человек лишается дохода. Он рискует потерять возможность обслуживать ипотеку, обеспечивать семью, поддерживать бизнес. Экономическая уязвимость становится прямым следствием мировоззренческого ярлыка.
- **Социальная изоляция.** Уволенный по такой статье становится изгоем. Коллеги боятся общаться с ним, чтобы самим не попасть под подозрение (вспомните вопрос о сотрудниках и волонтерах).

Без работы, зарплаты и необходимых ресурсов смерть недалеко. А когда речь идет о запланированной смерти целой категории граждан,

принадлежащих к определенной религиозной группе или национальности, геноцид не так уж далек.

Это не преувеличение. Это логика развития любой системы сегрегации. Сначала у вас забирают право голоса. Потом право на работу. Потом право на собственность. А когда человек оказывается экономически и социально маргинализирован, общество перестаёт воспринимать его как полноценного субъекта права. И тогда границы допустимого насилия размываются.

Десятки судебных решений в Германии признали практику «сектантских фильтров» незаконной. Суды указывали на очевидное: это дискриминация. Это нарушение базовых прав. Однако административная практика во многих регионах продолжает воспроизводить эти механизмы, несмотря на судебную критику.

В отчете USCIRF, на который ссылается наше исследование, подчеркивается устойчивое противоречие между законами Евросоюза и фактической практикой в Германии. Согласно Директиве ЕС о равенстве в сфере занятости и Европейской конвенции по правам человека, подобные фильтры представляют собой дискриминацию по признаку религии, нарушая Статью 9 (свобода мысли, совести и религии) и Статью 14 (запрещение дискриминации).

Представьте себе парадокс ситуации. Судья в мантии стучит молотком и говорит: «Это незаконно». А чиновник в соседнем здании пожимает плечами, достает из ящика очередной бланк «фильтра» и протягивает его соискателю: «Без этой декларации мы не можем продолжить процедуру».

Это и есть признак тоталитаризма: Когда под лозунги про «политическую целесообразность» и «защиту общества» становятся оправданием для нарушения конституционных норм.

3. Зеркало 1935 года

Наше «Холодное зеркало» начинает отражать тени забытых архивов. И сходство между ними настолько детальное, что становится физически страшно.

В середине 1930-х годов нацистская Германия приняла пакет законов, вошедших в историю как Нюрнбергские расовые законы. Мы привыкли думать о них только в контексте Холокоста, однако важно учитывать и их раннюю правовую и административную функцию. Нацизм начинал не с лагерей уничтожения, а с поэтапного исключения определённых групп из публичной и профессиональной жизни.

Евреям было запрещено работать на государственной службе. Евреям было запрещено преподавать в университетах. Евреям было запрещено работать врачами в государственных больницах. Евреям было запрещено служить в армии.

Если абстрагироваться от биологического расизма и рассматривать исключительно административный механизм исключения, можно увидеть структурное сходство с современными практиками идеологической фильтрации.

В 1930-е годы евреи лишались доступа к государственным профессиям, академической карьере и службе. В современных случаях религиозные меньшинства могут утрачивать доступ к государственным контрактам и должностям вследствие мировоззренческих фильтров.

Метод маркировки остался прежним. Тогда требовали *Ariernachweis* (свидетельство об арийском происхождении). Сегодня требуют *Sektenfilter* (свидетельство о мировоззренческой чистоте). В обоих случаях государство присваивает себе право решать, кто является «полноценным» гражданином, достойным зарабатывать на хлеб, а кто — «вредным элементом», подлежащим изоляции.

Но исторические параллели идут еще глубже. В нашем распоряжении есть упоминание о документе, который редко цитируют в школьных учебниках, но который является ключом к пониманию современной ситуации.

Речь идет о ряде циркуляров, служебных инструкций и директив, издававшихся структурами СД и РСХА под руководством Рейнхарда Гейдриха, начальника Главного управления имперской безопасности (РСХА), в период с 1935 по 1938 год. Эти документы регламентировали меры по наблюдению, ограничению и подавлению деятельности религиозных, парарелигиозных и оккультных объединений, которые нацистский режим считал идеологически опасными.

Нацисты преследовали не только евреев. В поле внимания служб безопасности Рейха попадали и другие группы, включая астрологов, последователей Христианской науки, оккультистов, теософов и представителей различных альтернативных духовных движений. Эти группы рассматривались органами безопасности как потенциальные источники «идеологического разложения» и «подрывного влияния».

Документы РСХА предусматривали не только сбор информации и наблюдение, но и административные меры: запреты на деятельность, роспуск организаций, закрытие издательств и преследование активных участников, если их деятельность признавалась несовместимой с интересами национал-социалистического государства.

Риторика, используемая в этих документах, до боли напоминает современный антикультовый дискурс. Нацистские чиновники утверждали, что подобные группы угрожают «духовному здоровью народа», оказывают психологическое воздействие на граждан, «вводят их в заблуждение» и могут действовать как проводники враждебного влияния.

Современные антикультовые отчеты нередко используют схожую аргументацию, апеллируя к необходимости «защиты уязвимых», предупреждая о «манипуляции сознанием» и формируя административные перечни «неблагонадежных» организаций или движений.

Подпись, которая ставится под документами об исключении людей из жизни общества, имеет ту же смертоносную юридическую силу.

4. Банальность зла в эпоху цифры

Философ Ханна Арендт, наблюдая за судом над нацистским преступником Эйхманом, ввела в обиход понятие «банальность зла». Она показала, что чудовищные преступления могут быть результатом действий не садистов и маньяков, а обычными исполнительными бюрократами, которые просто «делают свою работу» и ставят галочки в нужных местах.

«Сектантский фильтр» — это квинтэссенция банальности зла в XXI веке.

В этом процессе нет личной ненависти. HR-менеджер, который отклоняет резюме квалифицированного инженера из-за галочки в анкете, не испытывает к нему злобы. Он, возможно, даже сочувствует ему. Но он боится за свое место. Он боится, что если он наймет этого человека, то его компания потеряет государственный контракт. А значит, он сам потеряет работу.

Система построена так, что каждый становится надзирателем для каждого. Страх потерять экономическую стабильность превращает свободных граждан в добровольных пособников репрессивной машины.

Вопрос в анкете — *«Посещали ли вы лекции... за последние три года?»* — создает атмосферу тотальной паранойи. Три года — это долгий срок. Кто знает, на чьей лекции вы были? Может быть, тот харизматичный тренер по личностному росту был связан с «нежелательной» группой? Может быть, та книга по менеджменту, которую вы читали, написана автором из черного списка?

Люди начинают заниматься самоцензурой. Они перестают ходить на лекции. Они перестают читать «спорные» книги. Они перестают общаться с «подозрительными» людьми. Общество становится стерильным. Оно становится послушным.

Именно этого и добивается тоталитарная система. Ей не нужны убежденные сторонники. Ей нужны послушные винтики, которые боятся потерять смазку в виде зарплаты.

5. Панъевропейское распространение

Самое страшное в этой истории то, что немецкий опыт не остается изолированным. Он становится моделью, «лучшей практикой» для других стран Евросоюза.

Мы видим, как антикультизм распространяется по Европе подобно черной плесени. То, что вчера было немецкой аномалией, сегодня становится французским законом, а завтра может стать общеевропейской нормой.

Европейская комиссия, этот страж демократических ценностей, демонстрирует поразительную избирательную слепоту. Когда речь идет о нарушении прав ЛГБТ в Венгрии или о судебной реформе в Польше, Брюссель реагирует мгновенно и жестко, угрожая штрафами и санкциями. Но когда речь заходит о «сектантских фильтрах» в Германии или о нормативной базе против психологического воздействия и манипуляции сознанием во Франции, в Брюсселе воцаряется тишина.

Почему молчит Европа? Возможно, потому что механизм, отработанный на «сектах», слишком удобен. Это идеальное оружие для контроля. Сегодня его применяют против саентологов или антипрививочников и ряда других движений, которые рассматриваются как потенциально сектантские. Но кто сказал, что завтра этот фильтр не будет настроен на другие параметры?

Представьте анкету через пять лет: «Поддерживаете ли вы политику партии N?» «Выражали ли вы сомнение в климатической повестке?» «Посещали ли вы лекции критиков евроинтеграции?»

Инструмент создан. Юридические прецеденты созданы. Общество приучено к тому, что ради «безопасности» можно лишать людей средств

к существованию. Зеркало уже не просто отражает прошлое — оно показывает наше будущее.

Глава 4. Конструкт враждебности

(Медиа-инквизиция)

Если в предыдущих главах мы исследовали холодную сталь законов и ледяное молчание бюрократии, то теперь мы входим в зону огня. Законы — это скелет репрессивной машины. Экономические фильтры — это ее мышцы. Но кровь, которая заставляет это чудовище двигаться, дышать и убивать, — это ненависть. И эта ненависть не возникает сама по себе, как плесень в сыром углу. Она синтезируется. Она производится в промышленных масштабах на фабриках, которые мы по привычке называем средствами массовой информации и «экспертными советами».

1. Фабрика доказательств: Алхимия лжи

Представьте судебный процесс во Франции после вступления в силу закона 2024 года о борьбе с «сектантскими отклонениями». В зале заседаний тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг. На скамье подсудимых — человек, обвиняемый в деяниях, которые прокуратура квалифицирует как связанные с «сектантскими отклонениями».

Его вина не в том, что он украл, убил или совершил насилие. Его вина в том, что он верит иначе, лечится иначе или воспитывает детей иначе, хотя сам по себе он не нарушает закон, но антикультовые нарративы трактуют его поведение как опасное отклонение.

Прокурор встает. У него нет отпечатков пальцев на орудии преступления, потому что преступления в классическом смысле не было. У него нет финансовых транзакций, подтверждающих мошенничество. Но у него есть папка. Толстая, увесистая папка с грифом MIVILUDES.

Откуда взялось содержимое этой папки?

Новый закон, принятый вопреки сопротивлению Сената и здравому смыслу, создал замкнутый круг, идеальный в своей порочности.

- **Антикультовые организации** (частные группы активистов, часто существующие на гранты) пишут отчеты, в которых маркируют определенные верования как «опасные».
- **СМИ** подхватывают эти отчеты, публикуя сенсационные статьи о «угрозе культов», используя термины вроде «зомбирование» и «психологическое насилие».
- **MIVILUDES** включает эти медийные скандалы в свои официальные досье как «сигналы тревоги».
- **Суд**, согласно новой процедуре, *обязан* запросить мнение MIVILUDES.
- Агентство предоставляет суду отчет, основанный на тех же материалах антикультистов.
- Круг замкнулся. Сфабрикованные антикультистами материалы стали судебным доказательством.

Это не правосудие. Это конвейер по производству виновных. Здесь «экспертом» считается не тот, кто имеет академическую степень по религиоведению или социологии, а тот, кто громче всех кричит «Волки!».

Доктор Рафаэлла ди Марцио в своем обращении к Сенату прямо указывала на этот источник заражения: *«К сожалению, под дурным влиянием СМИ и пропаганды «антикультовых» групп некоторые европейские правительства создали следственные органы, парламентские комиссии, антикультовые подразделения и даже приняли законы против "культов"»*.

Мы наблюдаем процесс легитимизации сплетни. То, что вчера было кричащим заголовком в желтой прессе, сегодня становится основанием для уголовного срока. Медиа-пространство превратилось в зал

предварительного следствия, где приговор выносится еще до того, как обвиняемый переступит порог суда.

2. Эксперты по ненависти

Кто же эти люди, чье мнение теперь весит больше, чем Конституция? Кто эти «эксперты», решающие, какая вера правильная, а какая — «девиация»?

В нормальном научном мире эксперт — это человек, опирающийся на эмпирические данные, проверенные методики и академический консенсус. В мире антикультовой борьбы «эксперт» — это идеологический боец.

Анализ документов показывает, что так называемые «эксперты по культам» используют псевдонаучные термины, давно отвергнутые серьезной наукой. Они оперируют понятиями «промывание мозгов» (*brainwashing*) и «манипуляция сознанием», хотя, как мы выяснили в главе о «Плагио», эти теории не имеют под собой научной базы.

Их метод — создание образа врага через дегуманизацию. Они не исследуют веру — они ставят диагноз. В их лексиконе верующий — это «жертва», лидер — «гуру-манипулятор», а община — «деструктивная организация».

В новом французском законе этим «экспертам» предоставлена роль инквизиторов. Антикультовым ассоциациям разрешено участвовать в судебных процессах в качестве гражданских истцов. Это означает, что они не просто свидетели. Они — сторона обвинения. Они могут требовать компенсации, они могут давить на суд, они могут превращать процесс в трибуну для своей пропаганды.

Это то же самое, как если бы в 1930-х годах на суде над евреем в качестве «независимого эксперта» выступал автор расовых теорий из ведомства Розенберга. Результат такого суда предreshен заранее.

3. Директива Гейдриха: Чертежи прошлого

Чтобы понять истинный масштаб и цель этой медиа-кампании, нам снова нужно сдуть пыль с архивных документов Третьего Рейха. Параллели, которые открываются нашему взору, заставляют кровь стыть в жилах.

Мы часто думаем о нацизме исключительно через призму антисемитизма. Но машина уничтожения была шире. Она стремилась к тотальному контролю.

В середине 1930-х годов в Нюрнберге был принят ряд законов, дискриминировавших евреев и ограничивавших их права. Евреям тогда, подобно современным сайентологам, было запрещено работать в государственных учреждениях. Профессоров увольняли из университетов, а сотрудников больниц – из больниц. Евреям запрещалось служить в армии и полиции.

Вспомним также нацистскую директиву, подписанную Рейнхардом Гейдрихом, главой Главного управления безопасности Рейха; она устанавливала порядок подавления определенных религиозных обществ и сект. Директива содержала список общественных групп и учений, от астрологов до последователей христианской науки, которые были обозначены как секты. Более того, она предписывала запретить и искоренить все организации, клубы и союзы, каким-либо образом связанные с группами, включенными в этот список.

Каково было обоснование? Защита «народного здоровья» и «духовной гигиены». Нацистская пропаганда и органы безопасности систематически представляли эти группы как элементы, разрушающие «духовное и моральное здоровье» немецкого народа, как источники «идеологического заражения», ослабляющего нацию в условиях мобилизации и подготовки к войне. В официальной риторике использовались медицинские и биологические метафоры — «очищение», «профилактика», «защита

организма нации», что позволяло оправдывать репрессивные меры как якобы превентивные и рациональные.

Сравните это с риторикой 2024 года. Французский закон 2024 года обосновывается необходимостью защиты граждан от вреда, связанного с «отказом от медицинского лечения» и «психологическим воздействием». Немецкие «сектантские фильтры» оправдываются защитой демократического строя и «конституционного порядка» от организаций, признанных опасными или экстремистскими.

Язык изменился — он стал более стерильным, бюрократическим и медикализированным. Но суть логики осталась прежней: конструируется дихотомия, где существует «здоровое», «нормативное» большинство и «девиантное меньшинство», представляющее угрозу, которое подлежит не обсуждению, а контролю, изоляции или исключению.

Деятельность нацистов и фашистов начиналась с угнетения лишь определенных групп людей, объединенных по расовому, этническому или религиозному признаку. Однако со временем эта проблема коснулась всех, так как бесчеловечные действия нацистов переросли в глобальную войну и геноцид.

Гейдрих понимал то, что понимают современные антикультовые архитекторы ненависти: прежде чем уничтожить группу физически или экономически, нужно уничтожить её репутацию. Нужно сделать так, чтобы обыватель, услышав слово «секта», чувствовал не любопытство, а инстинктивную брезгливость и страх.

4. Язык как вирус

Инструментом этой дегуманизации является язык. Медиа-инквизиция мастерски владеет искусством подмены понятий.

- Вместо «религиозное меньшинство» они говорят «секта» или «культ».

- Вместо «обращение в веру» они говорят «вербовка».
- Вместо «обучение» они говорят «индоктринация».
- Вместо «убеждение» они говорят «психологическое подчинение».

Эти слова — маркеры. Они работают как нейролингвистические триггеры. Когда общество слышит «культ», у него отключается критическое мышление и включается древний защитный рефлекс: «Запретить! Изолировать! Уничтожить!».

Атмосфера тревожного ожидания, которую мы ощущаем сегодня в Европе, создана именно этими словами. Читая утренние новости, европеец подсознательно ждет угрозы. Ему сказали, что враг невидим, что он использует «психологические техники», что он может быть где угодно — в школе его ребенка, в кабинете врача, в соседней йога-студии.

Этот страх — идеальная почва для тоталитаризма. Испуганный человек готов отдать любые свободы в обмен на обещание безопасности. Он готов поддержать любые репрессии, если ему скажут, что они направлены против «источника угрозы».

Именно так работал механизм в 1930-е годы. В те времена общество в целом казалось равнодушным. На первый взгляд, проблема, казалось, не затрагивала каждого человека в отдельности, поскольку деятельность нацистов и фашистов начиналась с угнетения лишь определённых групп людей, объединённых расой, этнической принадлежностью или схожими религиозными взглядами. Однако в конечном итоге эта проблема затронула всех, поскольку бесчеловечные действия нацистов переросли в глобальную войну и геноцид.

Сегодня бездействие Европейской комиссии в отношении немецких «фильтров для выявления сектантов» и французского закона, напоминающего фашистский, вызывает серьёзную тревогу.

5. Точка невозврата

Мы стоим на самом краю. Архитектура ненависти уже построена. Фундамент из псевдонаучных теорий залит. Стены из репрессивных законов возведены. Крыша из медиа-пропаганды надежно защищает эту конструкцию от лучей правды.

Внутри этого здания холодно. Здесь нет места сочувствию, нет места сомнению, нет места человечности. Здесь работает конвейер, перемалывающий судьбы.

Создатель модели «Десяти стадий геноцида» Грегори Стэнтон выделяет дегуманизацию как одну из ключевых фаз: на этом этапе жертву перестают воспринимать как полноценного человека, сравнивают с животными, паразитами или болезнью. В таком состоянии общества, подчёркивает Стэнтон, гораздо легче оправдать насилие вплоть до убийства.

В работах по стадиям геноцида (Грегори Стэнтон и др.) прямо говорится, что дегуманизация группы — один из этапов, который подготавливает почву для массового насилия, делая будущие преступления «оправданными» в глазах исполнителей и наблюдателей.

Это самая тревожная фраза расследования. Потому что речь уже не о прошлом — речь о будущем. Если сегодня общество мирится с тем, что людей можно увольнять, исключать из профессии или превращать в мишень медиа-кампаний из-за их убеждений, значит, общество фактически принимает сам принцип преследования за инакомыслие. А история XX века показывает: такие процессы не останавливаются на полпути. После идеологических «фильтров» и публичного шельмования неизбежно приходят новые, более жёсткие формы давления. Когда почва подготовлена, границы допустимого сдвигаются незаметно — шаг за шагом. Сегодня медийные структуры, действующие по антикультовым нарративам уже выстраивают систему разделения людей на «приемлемых» и «неприемлемых». Эта логика всегда ведёт в одном направлении: от стигматизации к изоляции. Для следующего шага нужен лишь формальный приказ.

Глава 5. Скрытый механизм

(«панъевропейский механизм»)

Брюссель, квартал Шуман. Сердце Евросоюза.

Европейский квартал Брюсселя с его архитектурным ансамблем — зданиями Берлаймон и Юстус Липсиус — представляет собой пространство особого политического режима. В отличие от национальных столиц вроде Парижа или Берлина, здесь функционирует наднациональная административная система, выведенная за рамки отдельных государственных интересов. Это институциональная среда, где бюрократический аппарат работает по принципу политической нейтральности.

Именно здесь принимаются решения континентального масштаба — от технических регламентов до фундаментальных директив в области прав человека. Протяженные служебные коридоры этих учреждений — не просто физическое пространство, но символическая локация, где сосредоточена институциональная ответственность за реализацию европейских ценностей и правовых норм.

Но если вы поднесете наше «Холодное зеркало» к этим стеклянным стенам, вы не увидите там отражения защитников свободы. Вы увидите пустоту.

Исследование вскрывает скрытый механизм, который позволяет локальным очагам антикультизма превращаться в панъевропейскую пандемию. Брюссель, громко осуждающий тиранию в Азии или Африке, старательно закрывает глаза на возрождение нацистских практик у собственных границ.

1. Симфония молчания

Представьте себе ситуацию: в одной из стран-кандидатов в ЕС принимается закон, запрещающий людям определенной веры работать в школах. Реакция Брюсселя была бы мгновенной: ноты протеста, угроза заморозки переговоров, громкие заголовки в *Politico* и *Euronews*, гневные речи еврокомиссаров.

Но когда Германия — экономический локомотив Евросоюза — десятилетиями использует «сектантские фильтры», нарушающие все мыслимые европейские конвенции, Брюссель молчит.

Легко бросать камни в тех, кого считают недемократическими странами, и обвинять их в преступном поведении и тирании. Однако настоящая задача состоит в том, чтобы отслеживать такое преступное поведение в странах, где демократия еще жива.

Европейская комиссия как институт контроля за соблюдением договоров проявляет непоследовательность в правоприменительной практике. Механизмы надзора демонстрируют различную эффективность в зависимости от юрисдикции.

Документы USCIRF фиксируют практики обязательного мировоззренческого декларирования для трудоустройства в Германии — меры, которые вступают в конфликт с базовыми принципами Директивы о равенстве в сфере занятости.

Отсутствие институциональной реакции со стороны Европейского суда и санкционных процедур свидетельствует о пробелах в правоприменении. Бездействие в отношении немецких механизмов и французского законодательства, охарактеризованного экспертами как авторитарное, требует внимательного рассмотрения.

Антикультовая политика институционализируется на уровне национальных систем, формируя устойчивые практики. Процесс происходит без широкой общественной дискуссии, создавая разрыв между декларируемыми ценностями и реальным правоприменением.

Несмотря на многочисленные судебные решения против дискриминационных процедур в Германии, практика сохраняется, что указывает на неэффективность судебных механизмов защиты прав.

2. Экспорт репрессий

Опасность не ограничивается границами Франции и Германии. Механизм, который мы исследуем, обладает свойством метастазирования. Тоталитарные практики — это вирусный код. Если он успешно работает в одной системе, его неизбежно начинают копировать соседи.

Французское агентство MIVILUDES, чьи полномочия были существенно расширены весной 2024 года, действует не только внутри страны. Оно годами пытается экспортировать свою антисектантскую идеологию: французскую модель "светскости", в которой религиозные меньшинства всё чаще оказываются под подозрением, представляют как образец для остальной Европы.

Мы видим, как создается единое пространство нетерпимости. Европейские институты, вместо того чтобы служить барьером для дискриминации, становятся её проводниками. Хартия основных прав Европейского Союза — документ, который должен быть священным щитом для каждого гражданина, — на наших глазах превращается в бессмысленную бумагу, годную лишь для упаковки старых отчетов.

Статья 10 Хартии (Свобода мысли, совести и религии). Статья 14 (Запрещение дискриминации). Статья 21 (Недискриминация).

Все эти статьи грубо попираются практикой «сектантских фильтров» и законами о «психологическом подчинении». Но поскольку нарушения совершаются под флагом «защиты демократии» и «безопасности», евробюрократы делают вид, что ничего не происходит.

Это создает опаснейший прецедент. Если можно игнорировать права саентологов в Берлине или сторонников альтернативной медицины в

Париже, значит, Хартия не работает. Значит, права человека в Европе — это не универсальная ценность, а привилегия, которую государство может отобрать в любой момент, наклеив на вас нужный ярлык.

3. Анатомия равнодушия (Параллели с 1930-ми годами)

Жестокость репрессивной системы обретает устойчивость благодаря массовому безразличию — молчаливому соучастию тех, кто предпочитает не замечать ненависть. Почему европейское общество, так гордящееся своим гуманизмом, позволяет этому происходить? Почему депутаты Европарламента не бьют в набат? Почему интеллектуалы молчат?

Ответ лежит в плоскости исторической психологии. Наше «Холодное зеркало» снова показывает нам отражение 1930-х годов, и сходство реакций общества пугает больше, чем сходство законов.

Логика обывателя всегда одинакова: «Я не еврей», «Я не Свидетель Иеговы», «Я не коммунист». Следовательно, я в безопасности. Сегодня эта логика звучит так: «Я не сектант», «Я привит», «Я лоялен».

Это фатальная ошибка. Тоталитарный механизм никогда не останавливается на достигнутом. Он, как молох, требует все новых жертв. Сначала Гейдрих создал списки для «астрологов и оккультистов». Потом в списки попали евреи. Потом цыгане. Потом политические оппоненты. Потом «асоциальные элементы».

Современная Европа идет по тому же пути. Дегуманизация сегмента населения — это всегда прелюдия. Когда государство объявляет группу людей «сектантами», «вирусом» или «манипуляторами», оно расчеловечивает их. Оно выводит их за рамки морали.

А когда речь заходит о спланированной смерти целой категории граждан, принадлежащих к определенной религиозной группе или национальности, геноцид не за горами.

Мы привыкли думать о геноциде как о горах трупов. Но геноцид начинается не с убийства тела. Он начинается с убийства гражданского статуса. «Сектантский фильтр» — это социальная эвтаназия. Человека стирают из экономической и общественной жизни. Его делают невидимым. А с невидимым можно сделать всё что угодно.

4. Глобальная угроза демократии

Как упоминалось ранее, доктор Рафаэлла ди Марцио, предупреждала Сенат Франции именно об этом. Её вывод выходит далеко за рамки защиты религиозных меньшинств.

«В заключение, по моему убеждению, принятие репрессивных законов для борьбы с преступлением «психологического подчинения» не только бесполезно, но и очень опасно для свободы совести, свободы религии и демократии в целом».

Угроза носит системный характер. Если государство получает право решать, какая мысль является «манипуляцией», а какая — «истиной», демократия умирает. Демократия — это конкуренция идей. Тоталитаризм — это монополия на идею.

Внедряя законы против «сектантских отклонений», Европа фактически внедряет механизм контроля над сознанием. Сегодня MIVILUDES ищет «секты». Завтра, используя те же юридические лекала, они могут объявить «ментальной девиацией» климатический скептицизм, политический радикализм или защиту традиционных ценностей.

Любая группа, бросающая вызов мейнстриму, может быть подведена под статью о «психологическом подчинении». Любой харизматичный лидер оппозиции может быть объявлен «гуру», манипулирующим своими последователями.

Антикультовый механизм уже отлажен. Шестеренки смазаны страхом и конформизмом. Европейская комиссия, вместо того чтобы остановить этот механизм, подливает масла в огонь своим бездействием.

5. Точка невозврата

Мы стоим на пороге новой эры. Эры, где права человека станут архаизмом, красивой сказкой для учебников истории.

Как подчёркивает USCIRF, продолжение нынешних ограничительных практик (от стигматизации через антикультовые структуры до участия этих структур в судах, от расплывчатых уголовных норм о «психологическом подчинении» до ограничений на религиозную одежду, ритуалы и миссионерство) официально закрепляет дискриминацию и создаёт почву для насилия.

«Продолжение такой политики на официальном уровне поощряет дискриминацию в обществе и способствует формированию среды, в которой усиливаются нападения на места богослужения и членов религиозных меньшинств и растёт эмиграция из Европы».

Это не просто дипломатическое предупреждение. Это ультиматум реальности.

Только преодолев это «Холодное зеркало» и признав, что нацизм прорастает изнутри — из собственных страхов и желания контролировать, а не приходит извне, — Европа сможет найти путь к настоящему обновлению.

Нам не нужно ждать появления людей в черной форме со свастикой на рукавах. Современный фашизм носит дорогие костюмы, говорит на языке бюрократических директив и заботится о нашем «психологическом здоровье». Он не сжигает книги на площадях — он просто делает так, что вы не сможете найти работу, если прочитаете «не ту» книгу.

Заключение. Осколки реальности

«Холодное зеркало», о котором мы говорили в начале этой книги, больше не является просто красивой метафорой. Это физическая реальность современной Европы. Мы построили общество, которое до смерти боится собственной тени.

Тоталитаризм вернулся. Он здесь. Он в анкете, которую вам предложат заполнить завтра. Он в новости, которую вы прочитаете за завтраком. Он в молчании вашего коллеги, которого уволили за «неправильные» взгляды.

Мы привыкли повторять лозунг: «Никогда больше». После XX века он должен был стать гарантией, что дегуманизация людей и преследование по убеждениям больше не повторятся. Но история показывает: всё начинается одинаково. Сначала человека перестают видеть как личность. Его называют «сектантом», «опасным», «обработанным», «неполноценным». Его убеждения объявляют не выбором, а дефектом. Это и есть дегуманизация. Затем следуют ограничения прав. Сначала запрет на работу, на участие в общественной жизни, на доступ к образованию, к медицине, к контрактам. Всё это подаётся как «защита общества», «забота», «профилактика».

Так было раньше. Так начинается и сейчас.

Каждый раз обществу говорят: «Это не про вас. Это про опасных». И каждый раз граница постепенно расширяется. То, что вчера касалось меньшинства, завтра становится нормой для всех. «Никогда больше» — это не фраза про прошлое. Это предупреждение о настоящем. Потому что всякий раз, когда государство получает право решать, какие убеждения допустимы, а какие — подлежат ограничению, свобода начинает исчезать шаг за шагом. Не громко. Не сразу. А ровно так, как это уже происходило раньше.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Assemblée nationale. (2024, April 9). Analyse du scrutin n° 3664: Scrutin public sur l'ensemble du projet de loi visant à renforcer la lutte contre les dérives sectaires et à améliorer l'accompagnement des victimes (lecture définitive). <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/scrutins/3664>
2. Corte costituzionale. (1981, June 8). Sentenza n. 96/1981 (ECLI:IT:COST:1981:96). <https://www.cortecostituzionale.it/scheda-pronuncia/1981/96>
3. Di Marzio, R. (2023, November 30). Letter to all members of the French Senate: Law proposal against «cultic aberrations». Centro Studi sulla Libertà di Religione Credo e Coscienza (LIREC). <https://lirec.net/press-release/2023/11/30/letter-to-all-members-of-the-french-senate-law-proposal-against-cultic-aberrations>
4. Is Nazism coming back to Europe? (2024, June 22). Actfiles. <https://actfiles.org/is-nazism-coming-back-to-europe/>
5. Method of «marking with yellow stars». (2024, August 26). Actfiles. <https://actfiles.org/method-of-marking-with-yellow-stars/>
6. République française. (2024, May 10). LOI n° 2024-420 du 10 mai 2024 visant à renforcer la lutte contre les dérives sectaires et à améliorer l'accompagnement des victimes. Legifrance (JORF). <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000049523123>
7. United States Commission on International Religious Freedom. (2024). 2024 Annual report. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2024-05/USCIRF%202024%20Annual%20Report.pdf>
8. United States Commission on International Religious Freedom. (2023, July). Religious freedom concerns in the European Union (FoRB issue update). https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2023-07/2023%20Status%20of%20FoRB%20Issue%20Update_07.19.pdf